

Кронштадт в марте 1921 г.

О событиях в крепости Кронштадт в конце февраля — первой половине марта 1921 г. в 20-30-е годы было опубликовано большое количество статей, брошюр, исследований и сборников, в которых использовано множество документальных источников. Среди них — сборник статей, воспоминаний и документов "Кронштадтский мятеж" (Л., 1931), не потерявший своего значения и до настоящего времени. В нем впервые увидели свет материалы партийных, советских и военных органов по ликвидации мятежа, документы о деятельности Кронштадтского ревкома. В последующие годы интерес к теме стал угасать и не в последнюю очередь потому, что многие руководители, организаторы и участники событий в 30-е годы были репрессированы.

Из работ 70-80-х годов можно отметить исследование С.Н.Семанова (Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 г. М., 1973) и работы Ю.А.Щетинова (Сорванный заговор. М., 1978; Крушение мелкобуржуазной контрреволюции. М., 1984), в которых использованы материалы Пражского Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Ряд новых документов о военных действиях против восставших опубликован в "Военно-историческом журнале" (1981. № 3), журналах "Советские архивы" (1989. № 1) и "Вопросы истории" (1994. № 4-7).

Однако многие важнейшие источники, особенно документы партийных (Политбюро, Оргбюро ЦК РКП(б), Петербургского комитета), советских (ВЦИК, Петросовета и его исполкома) и военных (РВСР, Петроградского военного округа и 7-й армии) органов, а также ВЧК и Петроградской губернской ЧК не были обнаружены и хранились в "особых" и "секретных" архивах этих ведомств. Особенно ценный и полный материал, составивший специальный фонд № 114728 из более 300 дел, собран в ЦА ФСБ РФ (бывш. ЦА КГБ СССР). В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) интерес представляют закрытые в недавнем прошлом фонды РЗИА, в которых содержится много документов о попытках различных организаций за границей (эсеровских, меньшевистских, монархических) использовать в своих целях восстание моряков, красноармейцев и рабочих Кронштадта.

Вниманию читателей предлагаются три впервые публикуемых документа. Два из них выявлены в фондах РЗИА. Это записка (воспоминания) неизвестного участника кронштадтских событий, видимо, эсера, о политической обстановке в городе накануне восстания и воспоминания члена Кронштадтского ВРК И.Е.Орешина, в которых рассказывается о ходе восстания, сделана попытка оценки его значения. Результаты расследования кронштадтских событий отражены в докладе особоуполномоченного ВЧК Я.С.Агранова (Сорендсона) в президиум ВЧК от 5 апреля 1921 г., хранящемся в ЦА ФСБ РФ (автограф) и РЦХИДНИ (подлинник).

Публикуемые документы, как и многочисленные другие, выявленные в

федеральных архивах (ГАРФ, РЦХИДНИ, РГВМФ, РГВА), а также ЦА ФСБ и Архиве Президента РФ, войдут в сборник документов, готовящийся под руководством Росархива.

Документы публикуются полностью с сохранением авторских отточий.

Вводная статья, комментарии и подготовка текста к публикации И.И.КУДРЯВЦЕВА, кандидата исторических наук.

Подборка фотоматериалов из фондов РГАКФД И.В.КНЯЗЬКОВОЙ.

№ 1

Воспоминания об обстановке в Кронштадте накануне восстания¹

Не ранее 17 марта 1921 г.²

В Кронштадте накануне восстания

Кронштадт всегда был — и в дореволюционное время, и во время революции — особым городом. Так, в царствование Николая I он был местом ссылки поляков; в эпоху напряженной борьбы с царизмом, когда партия "Народной воли" широко раскинула свою пропаганду, офицерство стоявшего в Кронштадте флота дало целый ряд энергичных и самоотверженных борцов за права и волю народа, дало казненного потом в самом же Кронштадте лейтенанта Суханова³. В годы реакции и политического затишья морская крепость становится местом религиозного паломничества к известному о.Иоанну Кронштадтскому⁴, местом возникновения секты иоаннистов, и сам Александр III, ни разу в дни своего приезда в Кронштадтской гавани не оставлявший яхты и не сходявший на берег скомпрометировавшего себя участием в революционной борьбе города, потом в жуткие дни предсмертных страданий, на смертном ложе, в далекой Ливадии обращался за последним утешением и напутствием к кронштадтскому протоиерею, бывшему одинаково близким и реакционно-бюрократическим группам, и кронштадтскому люмпен-пролетариату, который кормился за счет его пятачковых выдач. Годы 1905-й и 1906-й — одна из ярких боевых страниц в истории Кронштадта, неразрывно своими выступлениями связавшего себя с первой революцией в России. В 1917 г. Кронштадт становится "красой и гордостью революции" и вместе с тем опорой большевизма. В нем же, вместе с другими немногими городами, впервые реализуется идея "Советов" как полномочных и независимых органов. Лозунг "Вся власть Советам" — выкидывается Кронштадтом.

Из среды кронштадтских матросов и рабочих рекрутировались силы сначала для разведочного, в интересах большевиков, выступления 3 — 5 июля, а затем и для захвата власти в октябре 1917 г. С этого момента Кронштадт не за страх, а за совесть начинает служить новой, "рабоче-крестьянской" власти. И сам он долго чувствует себя на положении любимого сына матери-баловницы. Чуть какая опасность грозит последней, сын откликается и старается выручить ее из беды.

Больших материальных сил Кронштадт никогда не мог дать, но была важна моральная поддержка. К этому необходимо прибавить, что созданный Петром Великим "ключ" к Петербургу для защиты национальных интересов России оказался, волею судеб, через двести с лишком лет прекрасной школой, воспитавшей не одну сотню деятелей для работы во славу и на утверждение большевистского засилия в России, а вместе с сим и для торжества кричащих лозунгов Третьего Интернационала.

В дни красногорских событий⁵ после некоторой заминки и сдвига в сторону наступавших белогвардейцев, которые начинали уже приобретать симпатии среди изголодавшихся рабочих вследствие "своевременно принятых коммунистической партией мер", т.е. "путем арестов и расстрелов", Кронштадт не

перешел на сторону Юденича и в 1919 г. для большевиков сыграл роль "Красной Горки", сформировав несколько отрядов и дав возможность выдвинуть на авансцену борьбы артиллерии "Петропавловска" и "Андрея Первозванного".

В 1920 г. "контакт" с властью пошел на убыль. Во власти разочаровывались, и разочаровывались прежде всего матросы.

Началось повальное бегство из партии. Ряды ее таяли, особенно много уходило матросов. Настроение Кронштадта к осени 1920 г. изменилось; город перестал быть "мальчиком с факелом в руках", как его однажды называл Луначарский, характеризуя роль Кронштадта в общем ходе революции.

Осенью был ликвидирован Врангельский фронт. Быстрота и стремительность его ликвидации были ловко, как всегда, использованы большевистской прессой с тем, чтобы возгласить, что гражданская война оканчивается и что теперь можно уже без всяких препон и помех перейти к "мирному строительству". На первый план выдвигалась идея трудового фронта, и большевистские перья, не переставая, на страницах казенных газет склоняли во всех числах и падежах такие слова, как "разруха", "измученная страна", "голодный пролетариат", "гибель капиталистического строя и буржуазии", "заря новой жизни" и т.п. бесконечные вариации из успешного набить оскомину и в сущности ни к чему не обязывавшего лексикона большевистских формул и лозунгов. Но вместе с тем нельзя было убаюкивать себя мыслью, что "на Шипке все спокойно". Напротив, для всякого, даже мало наблюдательного человека, было ясно сильное недовольство широкими масс, видевших, что все остается по-прежнему, что голод и всякие кризисы, и в особенности топливный и жилищный, не прекращаются, а, напротив, обостряются.

Впрочем, в Кронштадте дело обстояло несколько лучше. Но и здесь, в этом умевшем, так сказать, по инерции от старых годов сохранить большую благоустроенность городе всякие недочеты и нехватки жизни сильно давали себя знать. Хотя продуктов и хлеба в Кронштадте рабочим давали больше, чем в Петрограде, но островное положение его, отсутствие в нем каких бы то ни было рынков, легальных и нелегальных, полнейшая невозможность компенсировать недоедание хотя бы рискованными покупками того или иного продукта из-под полы, хотя бы по бешеным ценам, тут же на месте, без выезда из города, трудность проникновения на южный (Ораниенбаумский) берег, крестьяне деревень которого уже отказывались брать советские деньги и очень высоко ценили картофель и молоко при натуральном обмене, недостаточное число огородов, коммунальная обработка которых не повысила, а скорее понизила степень производительности труда, потребного для их обработки, — все это многие группы населения города ставило иногда в тяжелое, а подчас и критическое положение. С топливом было лучше, чем в Петрограде, но и тут приходилось терпеть лишения. Дровяная норма все сокращалась и сокращалась. Трудной была и доставка дров. Советские возчики за деньги дрова почти не перевозили, требуя хлеба, папирос, махорки, сахару и т.п., и многим приходилось перевозить дрова на себе. Страдали от недостатка жилищ, от того, что за отсутствием ремонта квартиры разваливались, приходили в отчаянное состояние: не подавалась вода, не действовали уборные... Для необходимых исправлений не было досок, стекол, гвоздей и самых простых материалов. Так называемый "Совет народного хозяйства" не мог справиться с прорехами в городском хозяйстве.

Полная несостоятельность всей постановки дела была в глаза. "Коммунизм" оказался бессильным вывести город из состояния разрухи и трещал по всем швам.

В Петрограде осенью 1920 г., по мысли Зиновьева, власти стали переносить заседания Петросовета "на места": на фабрики, заводы и т.п. Мотивировалась

эта мера необходимостью быть ближе к рабочим, к этим будто бы, по словам коммунистов, истинным хозяевам страны. На самом деле власть стремилась создать театральную бутафорию, на которую большевики такие мастера. Но этот эффектный жест, рассчитанный на то, чтобы произвести известное впечатление в рабочих кругах, имел обратные последствия, и те беспорядки, в которые вылилось долго скрываемое недовольство рабочих в Петрограде своей рабоче-крестьянской властью, несомненно в своем генезисе связаны с этими устроенными по почину Зиновьева публичными заседаниями Совета. Большевики и сами это прекрасно поняли. Недаром они очень скоро бросили эту затею. Но пока обнаружилось "несоответствие" этой затеи "видам правительства", Кронштадт в лице своих властей следовал примеру Петрограда.

В нем до восстания было устроено на местах два таких заседания, и они были очень показательны, показательны именно в том смысле, что ярко свидетельствовали о полном разрыве между властителями и подвластными.

Итак, Кронштадтский Совет решил снизойти до массы, до своих "избирателей". Первое собрание происходило на паровом заводе в одной из наиболее обширных мастерских. Народу собралось до тысячи человек. Перед открытием собрания председатель Совета Васильев сказал несколько слов о громадном значении таких совместных собраний, а затем заведующим жилищным отделом коммунального хозяйства Воронин⁶ был сделан подробный и основанный якобы на цифрах доклад о состоянии домов, квартир, учреждений и предприятий, находящихся в ведении отдела. Доклад вызвал целый ряд критических замечаний. Были указаны царящие в отделе злоупотребления: кумовство, взяточничество, отсутствие распорядительности, бесхозяйственность; оспаривались приведенные в докладе цифровые данные и т.п. Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что против докладчика — коммуниста выступал коммунист же, заведующий компродом, Ильин⁷, один из видных и дельных работников, который основательно поколебал основные тезисы доклада. Все пожелания и заявления, делаемые рабочими, принимались к сведению. Очень характерным было выступление одного уже пожилого рабочего эстонца. На ломаном русском языке он в яркой и образной речи высказал сомнение, могут ли рабочие быть в своих заявлениях откровенными, есть ли гарантия, что за их заявления их не постигнет кара. Но в общем первое заседание прошло в мирных тонах и, когда по окончании его председатель предложил исполнить "Интернационал", то он и был исполнен всеми присутствующими.

Иным было второе собрание, устроенное в сборной мастерской петровского Адмиралтейства. На повестке дня стоял доклад о положении народного образования в Кронштадте. Собрание было устроено в день годовщины осно-

⁶ Этот разрыв сказывался и в том противопоставлении, которое постоянно делалось между этими двумя "категориями" населения, на языке последних первые были "они", и всякий раз, когда нужно было сказать о том или ином действии или решении власти, говорили: "они дают", "они решили", "они приказывают", "они думают", "они предполагают" и т.п. Такое отмежевание от власти даже в языке было очень характерным явлением. Нужно думать, что и в настоящее время, после всяких беспартийных конференций и дарованных свыше "свобод", положение в этом отношении вряд ли изменилось (прим. авт.).

⁷ Яков Ильич Ильин — бывший матрос, сумел проявить и энергию, и большие способности в таком сложном деле, как снабжение города продуктами; в партии представлял правое крыло; в дни восстания вместе с двумя другими коммунистами — Кабановым и Первушиным — образовал в Кронштадте временное бюро РКП (прим. авт.).

вания Красной Армии (23 февраля), и поэтому, перед докладом, один из комиссаров крепости выступил с речью о значении в советской республике Красной Армии и вместе с тем с указанием на необходимость отдать все силы трудовому фронту.

Рассчитанное на то, чтобы пробудить в слушателях чувство преданности советской власти и удивления перед теми грандиозными задачами, которые она себе ставит в деле коммунистического строительства в разрушенной голодной стране, выступление комиссара, однако, имело совершенно обратные последствия. Хитрый аргумент, приведенный комиссаром в объяснение того, почему в последнее время после побед над Врангелем наблюдается больше заминка, чем раньше, а именно, что транспорт не справляется со своими заданиями вследствие значительного увеличения территории, остался в неразумении собравшихся пролетариев, — уж очень большой сочиненностью от него веяло, и нехитрый ум неискушенного в выдумывании всяких "коммунистических" домыслов рабочего никак не мог поверить комиссару. Не примирило собрание с комиссаром и его ссылки на снежные заносы, которыми он пытался объяснить замедление в доставке хлеба.

Когда он кончал свою речь и когда был задан обычный вопрос, нет ли каких предложений по докладу, из толпы, после некоторого молчания, которому за три года приучили народ коммунисты, послышались 2 — 3 робких голоса, заявлявшие о хлебной нужде и о необходимости окончить войну. Несмотря на всю кротость этих жалоб, в них слышался крик наболевшей души измученной голодом, беззащитностью, бесправием и "перманентной" гражданской войной.

Строго говоря, выступление комиссара, скучное и нудное, было лишним и... бестактным. Оно взволновало рабочих, пришедших на собрание. Собрание всколыхнулось и принудило президиум нарушить порядок дня. Присутствующие на собрании главари комитета партии настаивали на сохранении выработанной повестки, предлагая те вопросы и заявления, которые есть у собрания отложить обсуждением по выслушании доклада, но собрание настояло на своем. Слово было предоставлено одному из рабочих для "декларации", так сказать, всего того, что имела сказать масса. "Декларация" была путаная и сбивчивая, но в ней звучала сильная обида. Это был голос настоящих "низов", до которых совершенно не коснулась никакая "просветительная работа", которой так кичатся большевики и которая на самом деле захватывает лишь наиболее "аристократические" и наиболее обеспеченные слои населения советской России.

Эти "низы" словами оратора говорили о голоде и снова, как и на первом собрании, о полном бесправии, о полном отрицании всяких прав человеческой личности. Страсти разгорались. Взаимное непонимание между ставленниками масс и самими массами увеличивалось. У кого-то из "власть имущих" сорвалось даже признание, что если они, мол, не любят и не нравятся, то они могут и уйти... Собрание все дальше и дальше отходило от повестки дня. Поэтому снова поступило предложение держаться опубликованного порядка.

На этот раз предложение было принято, и доклад заведующего отделом народного образования был выслушан. В прениях по нему опять сказались ярко "темнота народная". Каких-либо замечаний по существу сделано не было. Но зато сильно подчеркивались те мероприятия, которые были, так сказать, по быту рабочих, расстраивая его и внося в него непонятную для рабочего и нелепую с его точки зрения разруху. Наиболее колючим из этих мероприятий была так называемая обязательная ликвидация неграмотности, особенно болезненно затрагивающая "домашних хозяек", т.е. жен рабочих, связанных ведением хозяйства и не имевших времени для занятий в школах для грамоты. Вот об этом-то и говорили рабочие, на спинах которых эта мера сказывалась непо-

средственно. В то же время рабочие указывали на полную несостоятельность постановки учебного дела в вечерней школе рабочих-подростков, на то, что там ничему не обучают и т.п. На этом же собрании выяснилось, что устраиваемые отделом народного образования спектакли для рабочих совершенно для них недоступны и посещаются отнюдь не ими. Вообще, обнаружилось, что просветительская работа идет как-то мимо понимания рабочих, что рабочие совершенно ею не затрагиваются, что за три с половиной года их умственное и моральное развитие нисколько не подвинулось вперед, что, напротив, скорее можно констатировать духовный регресс, причем указывалось, что для беспристрастного наблюдателя ясна и причина столь печального явления...

При таком настроении собрание подходило к концу. Представители власти, очень нервничавшие и бившие, что называется, настороже, делали усилия, дабы помешать открытому прорыву недовольства. Будь массы менее запуганы, будь они смелее, то, несомненно, на этом же собрании давно уже таившееся недовольство прорвалось бы с неудержимой силой.

Открыто на собрании своего недовольства массы ярко не выразили, но от явно направленной против коммунистов демонстрации и на сей раз они не удержались. Когда по окончании собрания председатель предложил пропеть "Интернационал", то значительная часть рабочих повернула спины и стала уходить из помещения. Призыв вернуться, обращенный к уходившим, не остановил их, и пели "Интернационал", кроме коммунистов, лишь немногие. Единство власти и масс в прославлении ведущейся с капиталом борьбы было нарушено. Очевидно, массы уже теряли веру в возможность построить новый мир на развалинах старого по рецептам коммунизма.

Коммунизму перестали верить. Он становился чужим. Нужен был только извне толчок, чтобы кронштадтские рабочие открыто пошли против коммунизма.

Такой толчок был дан матросами, и рабочие, все до одного, присоединились в Кронштадте к предъявленной властям резолюции, а затем, когда ход событий и какое-то слепое упорство власти привели к военным действиям, то рабочие взяли винтовки и пошли в бой.

На документе штамп: "РЗИА. Прага. № 5994".

ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 492. Л. 49-52. Копия.

№ 2

Доклад особоуполномоченного ВЧК Я.С.Агранова в президиум ВЧК о результатах расследования кронштадтских событий⁸

5 апреля 1921 г.

г.Москва. Секретно

Доклад

о результатах расследования по делу мятежа
в гор. Кронштадте

При падении восставшего Кронштадта большая часть членов мятежного ревкома, весь штаб крепости и большинство активных участников восстания

Это упорство было поистине сильным, так как вслед за Кронштадтским восстанием, здесь вполне применимо изречение "post hoc, [ergo] propter hoc" ("после этого, следовательно, вследствие этого" (лат.). — И.К.), тотчас же были изданы декреты в духе некоторых пунктов резолюции и даже больше — был издан, "horribile dictu" ("страшно сказать" (лат.). — И.К.), декрет о свободе торговли (прим. авт.).

бежали в Финляндию. Важнейшие деятели движения ускользнули, таким образом, из рук следствия.

Из данных следствия и личного опроса задержанных немногих активных участников мятежа выясняется следующая картина возникновения и хода развития Кронштадтского вооруженного восстания и обусловивших его причин.

Контрреволюционное восстание гарнизона и рабочих Кронштадта (1/III-17/III с.г. включительно) явилось непосредственным логическим развитием волнений и забастовок на некоторых заводах и фабриках Петербурга, вспыхнувших в 20-х числах февраля с.г. Сосредоточение в петербургских промышленных предприятиях значительного количества рабочих, мобилизованных в порядке трудовой повинности, и последовавшее затем в начале февраля с.г. из-за топливного кризиса внезапное закрытие большинства только что пущенных в ход предприятий вызвали недовольство и раздражение в кругах наиболее отсталых петербургских рабочих. Трудмобилизованные привнесли с собой из деревни в рабочую среду разлагающие настроения мелких собственников, взбешенных системой разверстки, запрещением торговли и действиями заградительных отрядов.

Последовавшее в середине февраля сокращение продовольственного пайка дало непосредственный толчок к проявлению наружу нараставшего недовольства части питерских рабочих и вызвало забастовки ряда заводов: Балтийского, трубного, фабрики "Лаферм" и др. Одной из основных причин этого движения несомненно явилась страстная предсезонская полемика в рядах РКП, ослабление внутривнутрипартийной спайки и падение партийной дисциплины в широких кругах членов партии. Бастовавшие рабочие не ограничивались требованием увеличения хлебного пайка и снятия заградительных отрядов. В наиболее отсталых кругах рабочих раздавались даже требования созыва Учредительного собрания. Но в общем движение шло под лозунгом отмены диктатуры коммунистической партии и установления власти свободно избранных Советов. Если движение в Петербурге не приняло организованного характера и не стало всеобщим, то произошло это в значительной степени

благодаря своевременной и быстрой ликвидации петроградских организаций [социалистов]-р[еволюционеров], меньшевиков, левых [социалистов]-р[еволюционеров] и анархистов, что сразу лишило движение организованного руководства⁹.

Аналогичные условия и настроения имелись налицо и в Кронштадте накануне мятежа. Нервное настроение в изголодавшейся рабочей массе поддерживалось непрерывным ухудшением условий существования. Опрос целого ряда участников восстания показал, что атмосфера недовольства в матросской и красноармейской массе, почти сплошь крестьянской, сгустилась и раздражение неудержимо нарастало, главным образом, благодаря тому, что вести из родной деревни, с которой эта масса не порвала связей, постоянно приносили им сведения о кризисе сельского хозяйства, о злоупотреблениях местных властей, о тяжести разверстки и пр.

Скопленная в значительных размерах на небольшой территории Кронштадта эта, в общем бездеятельная, масса в условиях коллективной казарменной жизни быстро заражалась одним настроением глухой вражды к режиму пролетарской диктатуры.

Разложение же Кронштадтской коммунистической организации, благодаря преобладанию в ней необузданных матросских элементов и низкого политического уровня ее членов, еще до восстания шло гигантскими шагами вперед и чрезвычайно ускорило ожесточенными спорами в рядах партии по основным вопросам момента.

Разделение организации на разные группировки и оттенки мнений при данных условиях неизбежно должно было привести к распаду организации. Рядовые члены партии, политическое сознание которых ничем не возвышалось над уровнем сознания беспартийной массы матросов и рабочих, вносили в эту массу весь тот идейный разброд, который разъедал коммунистическую организацию, и тем еще более способствовали отмежеванию пролетарской и полупролетарской массы от коммунистической партии, в которой она начала видеть якобы виновника общей разрухи.

Погрузка раненых солдат в санитарный вагон. Ораниенбаум. 4-3078.

Тяжелое артиллерийское орудие на боевой позиции. 4-3096.

Но пассивное в общем настроение этой массы получило сильный толчок от вспыхнувших в Петербурге волнений и вышло из состояния неустойчивого равновесия. Матросская масса заволновалась. В разразившейся затем неожиданно быстро катастрофе колоссальную роль сыграла невиданная растерянность руководителей Кронштадтской [коммунистической] организации и комиссарского состава Балтфлота и Крон[штадтской] крепости. Если значительное большинство членов Кронштадтской организации РКП быстро отхлынуло от партии и с оружием в руках сражалось на стороне мятежников, то ответственные коммунисты своим непониманием смысла и направления движения не только не приняли никаких мер к тому, чтобы рассеять насыщенный огнем атмосферу, но прямо, хотя и бессознательно, способствовали возникновению восстания, допуская или лично созывая общие собрания матросских команд при наличии такого возбуждения в их среде и способствуя посылке делегаций из Кронштадта в Петербург на бастующие заводы.

Если бы комиссары мятежных кораблей "Петропавловска" и "Севастополя" при наличии в экипажах большого числа членов РКП приняли быстрые и решительные меры, не допустив собраний, взяв в свои руки службу связи, попытались бы противопоставить взбудораженной, но не организованной массе сплоченную силу коммунистических коллективов, [то] движение удалось бы локализовать и задуть в самом начале. Но ровно никаких попыток в этом направлении не было сделано.

Расслабленная партийная организация развалилась и растворилась в бующей и озлобленной массе.

Общий ход восстания рисуется в следующем виде: когда вести о вспыхнувших в Петрограде забастовках дошли до Кронштадта, матросская масса пришла в движение. Это проявилось в быстром падении дисциплины и в открытых разговорах в среде матросов, в которых делались резкие нападки на коммунистический режим и выражалось сочувствие бастующим рабочим.

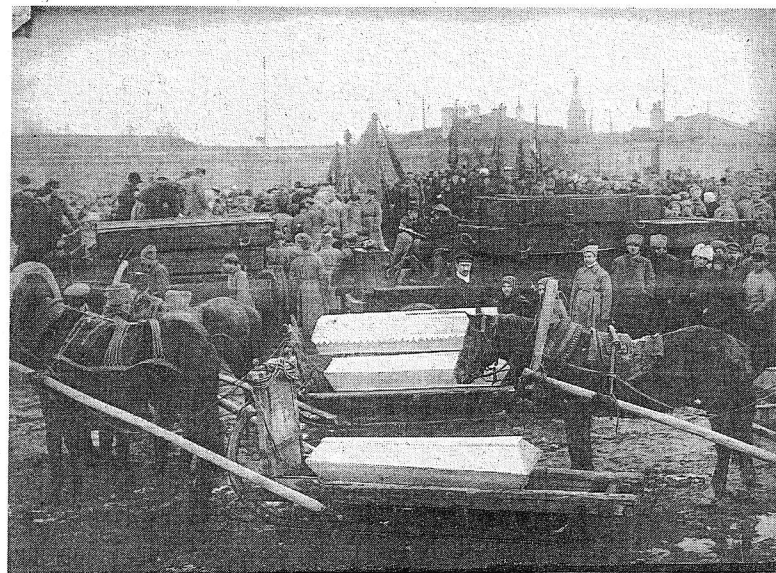
25/II с.г. общим собранием команды линейного корабля "Севастополь"

(допущенным комиссаром бригады больших линкоров т.Зосимовым*) по предложению комиссара Чистякова было решено послать в Петроград делегацию в составе 5 чел. матросов для выяснения причин волнения на петербургских фабриках и заводах и требований, предъявляющихся рабочими. Линкором "Петропавловск" была избрана делегация из 7 матросов. Фамилии делегатов в точности установить не удалось, за исключением одной — Савченко¹⁰, беспартийного, безграмотного матроса из крестьян Кустанайского уезда. Но здесь, как и в последующих собраниях матросов, были избраны первые названные кандидаты. По приезде в Петербург делегаты разделились на несколько групп и посетили бастующие заводы, где вступали в беседы как с отдельными рабочими, так и с целыми группами рабочих. Таким образом, делегаты были односторонне осведомлены о положении в Петербурге и несомненно заразились настроением стачечников, хотя их до некоторой степени и смутили реакционные лозунги, имевшие успех на некоторых заводах, как то: созыв Учредит[ельного] собрания, свобода слова, союзов и собраний для всех партий, — что шло гораздо дальше требований, намечавшихся в матросской среде.

27/II с.г. делегаты вернулись на свои корабли и доложили общим собраниям команд о причинах волнений на заводах: Балтийском, трубочном, линкорах "Гангуте" и "Полтаве", стоявших на Неве; положение в Петербурге было изображено ими в сгущенных красках; было доложено о массовых арестах бастующих рабочих и прочитана контрреволюционная резолюция рабочих Балтийского завода. В результате этих докладов собранием команды "Петропавловска" была 28/II принята известная резолюция из 13 пунктов, разрабо-

Погибшие участники подавления мятежа. 4-3101.

Похороны жертв мятежа. 4-3117.

* В экземпляре Менжинского (см. прим. № 8) фамилия вписана от руки над зачеркнутой "Васильевым".

танная группой матросов 7 — 8 чел.¹¹. В эту группу входили Петриченко — старший писарь "Петропавловска", Вейс-Гинтер Ян Янович — гальванер "Петропавловска", впоследствии член судового комитета этого же судна. Фамилии остальных пока не выяснены. Эта резолюция вначале была принята лишь в принципе; окончательная редакция была поручена той же комиссии. В тот же день, 28/II, резолюция была окончательно принята командой "Петропавловска", а затем и "Севастополя", причем выяснено, что за эту резолюцию голосовало и большинство коммунистов из судовых команд. Только незначительная часть коммунистов воздержалась от голосования.

1/III резолюция была принята общим собранием команд [1-й] бригады больших линейных кораблей в присутствии представителей от 2-й бригады линейных кораблей¹². На этом собрании к тексту резолюции были добавлены 14-й и 15-й пункты. На бригадном собрании присутствовал комиссар Балтфлота т.Кузьмин¹³. Почти на всех этих собраниях председательствовали коммунисты. Председателем бригадного собрания был Петриченко.

1/III резолюция была вынесена на общее гарнизонное собрание Кронштадта, состоявшееся на Якорной площади в присутствии председателя ВЦИК т.Калинина и комиссара Балтфлота т.Кузьмина. Председателем собрания был председатель Кронштадтского Совета т.Васильев. На собрании выступил анархист Шустов — кочегар с "Петропавловска", состоявший во время мятежа комендантом следственной тюрьмы, и Петриченко. Предложенная последним вышеупомянутая резолюция была принята подавляющим большинством гарнизона. В тот же день на "Петропавловске" и "Севастополе" были избраны судовые комитеты из матросов для ведения корабельной жизни. Этим самым упразднялась власть комиссаров.

В судовой комитет "Севастополя" были избраны 9 чел., среди которых были: Коровкин, бывший член РКП, вышедший из партии после перерегистрации осенью 1920 г., Перепелкин и Ососов, впоследствии члены мятежного ревкома. Председателем судового комитета "Севастополя" был избран Коровкин. Служба связи и караулы на кораблях перешли в руки судовых комитетов. Вечером 1/III на "Петропавловске" состоялось заседание судового комитета,

Участники ликвидации мятежа: П.Е.Дыбенко, А.И.Седякин, Федоров, Белокопытов, М.Е.Кольцов, Лепсе, Иванов, Хренов и др. 4-3139.

на котором присутствовали представители команд "Трувора" и "Огня", стоящих на Неве в Петербурге. Вопрос о посылке делегации на беспартийную конференцию судовых команд в Кронштадте был решен собранием команд "Трувора" и "Огня" по предложению комиссаров этих судов, председательствовавших на этих собраниях. В число делегатов попал гражд[анин] Тан-Фабиан Георгий Францевич, назвавший себя при аресте сочувствующим партии левых соц[иалистов]-рев[олюционеров].

После упомянутого вечернего заседания на "Петропавловске" часть питерских делегатов решила остаться в Кронштадте с тем, чтобы потом поехать вместе с кронштадтской делегацией в Петербург, другая же часть вернулась 2/III в Петербург, где на "Труворе" и "Огне" по докладу Тан-Фабиана кронштадтская резолюция была принята командами, причем против резолюции голосовали всего несколько человек.

На том же собрании вечером 1/III на "Петропавловске" было внесено предложение о задержании т.Калинина и объявлении его заложником, но большинство собрания высказалось против этого предложения, после чего т.Калинин был выпущен из Кронштадта.

На 2/III по решению вышеупомянутого бригадного собрания было назначено беспартийное делегатское собрание гарнизона и рабочих Кронштадта по перевыборам в Совдеп. На большинстве предвыборных собраний председательствовали коммунисты. Ввиду тесноты помещения на "Петропавловске" делегатское собрание было перенесено в Дом просвещения. Председательствовал на собрании Петриченко. Присутствовавшие на собрании тт.Кузьмин и Васильев были решением собрания арестованы. Затем на собрании вдруг распространился слух, что отряд курсантов с пулеметами наступает на помещение, где происходит делегатское собрание, с намерением арестовать всех участников. Собранием овладела паника. По предложению Петриченко

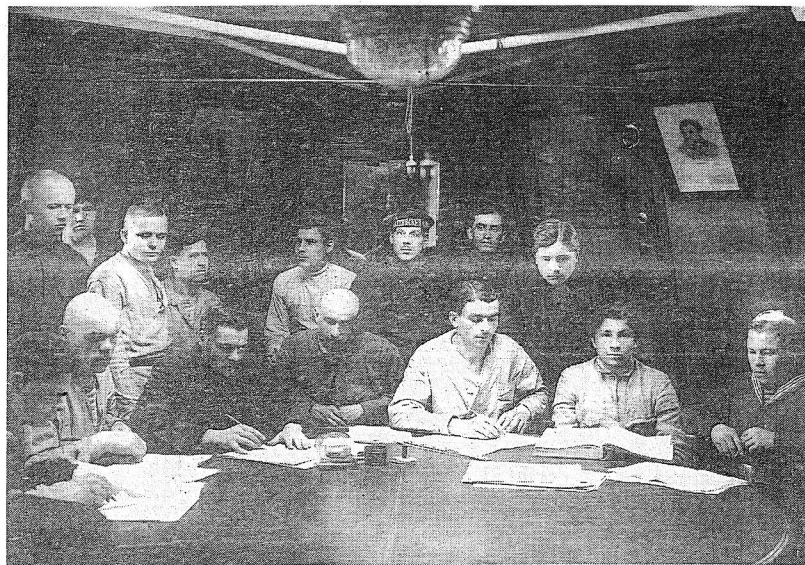
Командующий Южной группой войск А.И.Седякин награждает участника подавления мятежа орденом Красного Знамени. Справа — П.Е.Дыбенко. 4-3141.

собранием был избран временный революционный комитет из 5 чел.: Петриченко, Яковенко, Ососова, Тукина и Орешина. Ревкому была вручена вся полнота власти в Кронштадте, поручено проведение в жизнь резолюции, принятой гарнизонным собранием, и, если понадобится, вооруженная защита этой резолюции. Следующее делегатское собрание было назначено на 4/III. Затем собрание быстро разошлось. Местом пребывания ревкома был избран "Петропавловск".

Весь день 2/III наиболее активные матросы "Севастополя" и "Петропавловска" — Перепелкин, Вершинин и ряд других разъезжали по фортам и красноармейским частям, где призывали к признанию власти ревкома и устранению комиссаров. К вечеру 2/III к врем[енному] ревкому присоединились большинство фортов и все красноармейские части крепости. Все учреждения службы связи были заняты караулами ревкома. Ревком опубликовал несколько воззваний к населению Кронштадта, в которых разъяснил смысл происходящих событий. Из опроса арестованных участников мятежа выясняется, что вначале как ревком, так и выдвинувшая его масса были уверены в непреступности Кронштадта и считали, что рабоче-крестьянское правительство не пойдет на жертвы и вынуждено будет пойти на уступки.

Вечером 2/III в Ораниенбауме состоялось общее собрание 1-го гидродивизиона, на котором председательствовал начальник дивизиона Колесов (арестован). Собранием при нескольких воздержавшихся голосах была принята кронштадтская резолюция и послана делегация на "Петропавловск" для информации и связи. Ночью с "Петропавловска" предложили Колесову занять вокзал и продовольственный склад. На просьбу Колесова о присылке из

Группа матросов с линкора "Петропавловск", участвовавшая в подавлении мятежа. 4-3147.

* Слово "что" вписано от руки над строкой.

Кронштадта вооруженной помощи, ввиду недостаточности имевшихся в его распоряжении сил, ему с "Петропавловска" была обещана присылка морского отряда. Командование гидродивизиона усилило свои караулы и, по-видимому, готовилось оказать действительную поддержку восстанию, но в ту же ночь он был окружен курсантами и в полном составе подвергнут аресту.

3/III в ревком начали поступать массовые заявления членов и кандидатов РКП о выходе из партии. Видную роль в столь быстром разложении коммунистической организации сыграло опубликованное в "Известиях Кроншт[адт-ского] ревкома" воззвание так называемого "временного бюро Кроншт[адтской] организации РКП", подписанное членами РКП Ильиным (комиссаром продовольствия), Первушиным (комиссаром труда) и Кабановым (председателем совета профсоюзов)¹⁴. В воззвании было указано, что над коммунистами не творится никаких насилий и все коммунисты призывались оставаться на местах своей службы в целях беспрепятственного проведения в жизнь известной резолюции. За время мятежа в ревком и редакцию поступили от 800 до 900 заявлений о выходе из РКП. Огромное большинство этих заявлений исходит от членов и кандидатов РКП [с] 1919 — 1920 гг. Встречаются и заявления членов партии [с] 1918 и даже 1917 г. Это повальное бегство из партии, сопровождавшееся резкими и циничными оскорблениями и угрозами по адресу РКП и ее вождей, еще более укрепило в стихийной массе уверенность в неминуемом крушении коммунистического режима.

На делегатском собрании гарнизона и рабочих Кронштадта 4/III, на котором присутствовали 202 чел., по предложению Петриченко были произведены довыборы 10 новых членов ревкома ввиду переобремененности работой старого состава. Таким образом, ревком определился в составе следующих 15 членов: Архипов, Байков, Вальк, Вершинин, Кильгаст, Куполов, Орешин, Ососов, Павлов, Патрушев, Перепелкин, Петриченко, Романенко, Тукин и Яковенко. Председателем ревкома был избран Петриченко, товарищам[и] председателя — Яковенко и Архипов, секретарем — Кильгаст (ему же была поручена информация); заведывание гражданскими делами было поручено

Воронка от снаряда на площади в Кронштадте. 4-3153.

Вальку и Романенко, транспортными средствами — Байкову, следственной частью — Павлову, отделом продовольствия — Тукину. В состав редакционной коллегии входили: Орешин, Кильгаст и Петриченко¹⁵.

Партийную принадлежность большинства членов ревкома не удалось выяснить ввиду того, что члены ревкома, как и все участники мятежа, тщательно скрывали свою партийную физиономию под флагом беспартийности. Вожди восстания хорошо учли стихийную реакцию мелкобуржуазной части массы против всяких партий вообще и подчеркивали на каждом шагу свою беспартийность, выдвигали на важнейшие посты беспартийных и проч. Следствием установлена, однако, партийная принадлежность некоторых руководителей движения. Так, Вальк Владислав Антонович, по его собственному признанию, состоит членом РСДРП (меньшевиков) с 1907 г., был нелегальным работником, в 1917 г. состоял членом Кронштадтского исполкома; Романенко — тоже член РСДРП (см. показание Ламанова); Орешин, учитель трудовой школы, — член партии народных социалистов; Петриченко, по-видимому, был членом партии левых [социалистов]-[революционеров]. Все показания против Петриченко сходятся в этом пункте. Техническим руководителем "Известий Кронштадтского ревкома" был активный член партии [социалистов]-[революционеров]-максималистов Ламанов Анатолий Николаевич, бывший в 1917 г. председателем Кронштадтского Совета. Виднейшим сотрудником газеты, заполнявшим почти все статьи, был Путилин¹⁶, член партии народных социалистов. Заведывавший Кронштадтским совнархозом Захаров, состоявший в этой должности и до восстания, принадлежит к партии меньшевиков. За исключением Петриченко, Кильгаста (штурман дальнего плавания) и Орешина, ревком состоял из матросов и рабочих.

На упомянутом делегатском собрании Петриченко в своем докладе о военном и политическом положении подчеркнул полную боевую готовность всего гарнизона крепости и кораблей. Собрание постановило поголовно вооружить всех рабочих Кронштадта и поручить им внутреннюю охрану города.

Группа матросов с линкора "Севастополь", участвовавшая в подавлении мятежа. 4-3164.

Было решено в 3-дневный срок переизбрать правление профсоюзов и совет профсоюзов.

4/III ревком выделил из своего состава оперативную тройку в лице Петриченко, Яковенко и Ососова, которой было поручено вступить в переговоры со штабом крепости относительно общего плана действий.

5/III оперативная тройка доложила ревкому о том, что со штабом крепости установлены прочные сношения, что военспецы штаба со своей стороны предложили ревкому свои услуги и знания, что штаб согласился работать в тесном контакте и под контролем оперативной тройки.

6/III приказом штаба крепости и ревкома было предписано всем начальникам частей, командирам отрядов, всему комсоставу крепости и флота явиться в штаб крепости. Старый комендант крепости Козеолег¹⁷ не принял участия в последующих действиях. В штабе крепости собрались начальник штаба крепости блондин [офисный] Соловьянов, начальник оперативной части штаба крепости Генштаба Арканников, начальник артиллерии бывш. генерал Козловский, начальник воздухообороны, начальник связи, командиры артил[лерийских] дивизионов, начальник бригады больших линкоров, б. контр-адмирал Дмитриев, командир "Севастополя" Карпинский, командир "Петропавловска" Христофоров, начальник берегового отдела капитан Зеленой, командир порта Ермаков, делегаты от морских и сухопутных частей, оперативная тройка — Петриченко, Ососов и Яковенко и ряд других представителей комсостава¹⁸. Соловьянов и Арканников потребовали от приглашенных сведения о числе команд у каждого из них и начали распределять их по боевым участкам и фортам.

Штаб предполагал держаться наступательной тактики и в этом смысле собирался открыть действия против советских войск, но представители ревкома, ввиду принятого ревкомом решения ограничиться только обороной крепости, высказались против агрессивных планов штаба, и предложение последнего было отвергнуто¹⁹. Принятый затем штабом план обороны заключался в том, чтобы по всей береговой линии острова Котлин расположить пехотные и морские части, за исключением команд "Севастополя" и "Петропавловска", которые должны были оставаться на кораблях. На участке у Петроградских ворот в районе гаваней должен был располагаться 560-й пехотный полк; остальная линия берега разделилась на 3 участка и была занята морскими командами: по южному берегу — рабоче-конвойный отряд (командир Перстнев), по северному берегу — отряд главного минера порта Егорова и сводный отряд судовых команд (командир Вознесенский). Остальные береговые команды: учебно-минный отряд, команда машинной школы, школа гальванеров, отряд переходящих команд и роты военмор-специалистов небольшими группами были распределены по разным фортам для усиления гарнизона последних. Общая численность морских команд и 560-го полка, назначенных на участки береговой линии, достигала 3000 чел., а на форты было послано из морских команд около 2000 чел.

Затем комсостав крепости под руководством Соловьянова обсуждал вопросы об организации стрельбы с батарей и судов и проект о наступлении на северный берег с целью занять Лисий Нос и Сестрорецк. Этот проект предполагалось осуществить отрядом в 2000 чел. из 560-го полка и раб[оче]-конвойного отряда, однако впоследствии проект был отвергнут, так как при осуществлении его крепость осталась бы со слишком малым числом бойцов для обороны берегов острова. В общем весь комсостав оставался на прежних местах службы. Быв. генерал Козловский, как начальник артиллерии, играл подчиненную роль по отношению к начальнику штаба.

Ввиду ограниченных запасов продовольствия ревкомом, а затем и штабом было решено установить ежедневную выдачу защитникам крепости по 1/2 ф

суррогатного хлеба и 1/2 банки консервов, взрослое гражданское население получало по 1 ф овса в день, а дети по 1/2 ф ячменя или пшеницы в день. 7/III начальник обороны Соловьянов доложил собравшимся представителям комсостава, что при такой нормировке распределения гарнизон и город будут обеспечены продовольствием до 21/III сг.

С топливом для линейных кораблей дело обстояло так: к 1/III на "Петропавловске" и "Севастополе" был запас жидкого и твердого топлива до 11 — 12 марта. 7 — 8 марта нач[альнику] бригады линкоров Дмитриеву удалось с помощью портовых ледаколов доставить к указанным кораблям баржу с жидким топливом, так что "Севастополь" принял запас топлива еще на 18, а "Петропавловск" — дней на 14.

Следствием установлено, что в общем подавляющее большинство комсостава согласилось участвовать в мятеже добровольно, без какого бы то ни было давления со стороны ревкома. Колебания же и некоторая угнетенность отдельных военспецов объясняется их неуверенностью в исходе борьбы и нахождением в глубине страны их семей, за судьбу которых они имели основания опасаться.

Штаб проявлял лихорадочную деятельность, что немало поражало всех привыкших раньше видеть штаб крепости вялым и сонным. Распоряжения штаба крепости в помещении штаба ежедневно собирались представители комсостава крепости в описанном выше составе, но делегаты от частей уже не приглашались. Соловьянов сообщал собранию все оперативные сведения за истекшие сутки. Петриченко информировал о политическом положении и настроении гарнизона. Затем сухопутные военспецы обсуждали вопросы оперативного характера, сводившиеся, главным образом, к организации стрельбы с связи артиллерийского огня с действиями пехоты, способы отражения атак и другие вопросы специально военного характера, в общем сводившиеся к обороне.

На одном из таких собраний комсостава Петриченко заявил, что команды особенно судовые, оказывают на ревком давление в смысле побуждения его к предпринятию наступления или же другим активным мероприятиям. На это Соловьянов сообщил ему, что с теми силами, которыми располагает крепость активных действий предпринять нельзя и потому необходимо внушить командам, что они должны терпеливо выжидать и переносить лишения осады. Петриченко обещал провести в командах агитацию в соответствующем духе.

Общая картина управления крепостью в дни мятежа представляется в следующем виде: высшая власть была сосредоточена в ревкоме, всецело ведавшем политической частью; оперативная же часть сосредоточилась в штабе обороны в составе: начальника обороны Соловьянова и начальника штаба Арканникова. Из этого штаба исходили все распоряжения о действиях пехотных частей и об открытии и прекращении огня. Управление же огнем и корректирование стрельбы производилось в управлении артиллерии начальником артиллерии Козловским и его помощником Бурксером. Они же управляли и огнем судовой артиллерии. Начальником инженерной обороны крепости был назначен инж[енер] Н.А.Никитин. В тех случаях, когда вопросы оперативные зависели от вопросов политических или имели с [ними] связь, начальник обороны совещался с председателем ревкома или его заместителем, причем председатель ревкома обыкновенно подчинялся решению начальника обороны и не возражал против его оперативных мероприятий (показание П.А.Зеленого). Соловьянов и Арканников вообще действовали самостоятельно, так что однажды у них даже вышло столкновение с б[ен]ералом Козловским, которого они приказом по обороне устранили от управления огнем. Сделали они это по донесениям начальников дивизионов, которые находили, что Козловский слишком вяло и нерешительно действует. На следующий день, однако, прика

зот был отменен по настоянию Петриченко. При начальниках судовых и пехотных команд состояли ревтройки, на обязанности которых был контроль над действиями комсостава и работа по поддержанию боевого духа в командах.

Если движение вначале возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы, то с организацией ревкома и, главным образом, благодаря сосредоточению оперативной работы в штабе крепости восстание приняло планомерный характер и руководилось опытной рукой старого генералитета. Следствием, однако, не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава крепости или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности. Если бы мятеж был делом какой-либо тайной организации, существовавшей до его возникновения, то эта организация приуcoxила бы его во всяком случае не к тому времени, когда запасы топлива и продовольствия оставались всего едва ли на 2 недели, а до вскрытия льда оставался слишком большой срок. Но единодушие высшего комсостава крепости указывает на то, что они прекрасно знали и понимали друг друга, благодаря чему в ходе восстания быстро наладился их боевой аппарат. Политическую позицию штаба крепости установить не удалось, так как он тщательно скрывал это, а также потому, что все представители штаба бежали в Финляндию. Однако некоторый свет на тайные настроения и надежды комсостава проливает изданный 4/III по линкору "Севастополь" приказ командира, б[лей]тенанта Карпинского, подписанный также председателем судового комитета. Этот приказ, хотя и упоминает о власти революционного комитета, составлен, однако, в духе обычных белогвардейских прокламаций. В нем говорится о свободах Февральской революции, о борьбе "за многострадальную, измученную и истерзанную Россию", о "долге перед родиной и русским народом" и пр.

Комсостав отчасти верил сообщениям ревкома о том, что Петербург поспешит на помощь Кронштадту, но главной опорой военспецов была их надежда на случае неудачного исхода восстания отступить в Финляндию.

Неопределенность партийного состава ревкома сказывалась на отсутствии у него устойчивой и ясной политики. Вопросы решались им от случая к случаю. Репрессии, проявленные ревкомом по отношению к коммунистам, оставшимся верными коммунистической революции, явно опровергают якобы мирное настроение восставших. Почти все протоколы заседаний ревкома указывают на то, что борьба с оставшимися на свободе, а также заключенными коммунистами служила предметом их неусыпного внимания. В последнее время они даже прибегают к угрозам полевым судом, вопреки провозглашенной ими отмене смертной казни.

16 марта в ревкоме обсуждался вопрос о расстреле виднейших коммунистов. Предложение об этом было внесено в ревком комендантом следственной тюрьмы анархистом Шустовым. Ревком отклонил его предложение, предоставив ему, однако, право расстрела коммунистов при попытке к побегу или покушении на него — Шустова. За расстрел коммунистов высказались только Петриченко и Тукин. Это означало фактическое предоставление судьбы арестованных коммунистов в руки Шустова. Быстрое падение Кронштадта помешало последнему осуществить свои черные замыслы.

Агитационным отделом ревкома ведал член ревкома Перепелкин (арестован). К нему судовыми комитетами направлялись матросы для дальнейшей отправки за пределы Кронштадта. Перепелкин снабжал их литературой — воззваниями и газетами ревкома, с которыми матросы должны были проникнуть сквозь кольцо осады в Петербург, Ораниенбаум, Петергоф, Гатчино и др[угие] районы. Но значительное большинство этих делегатов задержано

красными войсками. Ревкомом в заседании 13/III обсуждался вопрос о нетрезвом поведении его членов: Валька, Архипова и др. Ревком по отношению к ним ограничился выговором и решил сохранить эти неприятные факты в тайне.

Ревком поручил всем своим членам, заведующим разными отделами, выработать положения и инструкции об управлении этими отделами и содержания и направлении их работы. Однако никто не представил ни одного положения, и отделы ревкома быстро приходили в упадок. Ревкомом была упразднена раб[оче]-кр[естьянская] инспекция и ее функции были переданы совету профсоюзов.

В последние дни мятежа Вальк и Романенко (меньшевики) подняли вопрос об образовании городского управления, но этот проект не успел получить осуществления.

В редакции "Известий Кроншт[адтского] ревкома", помимо указанных выше лиц, видную роль играли: выпускавший газету и ее технический руководитель Владимиров, быв[е]ш[ий] завед[ующий] информа[ционным] отделом "Биржевых ведомостей" (арестован), и гражд[анин] Белов. В редакцию поступали статьи из ревкома и штаба и пр., поступали и статьи погромно-черносотенного характера, но весь материал перерабатывался с[оциалистом]-р[еволюционером]-максималистом Ламановым, направлявшим газету в духе своей партии. Петриченко уделял газете много внимания. Ни один номер не выпускался без его предварительного просмотра. Петриченко, Орешин и Беловым было запрещено Ламанову помещать статьи против Учредит[ельного] собрания; они мотивировали свой запрет желанием сохранить единство в своих рядах. Это указывает на то, что некоторые члены ревкома в глубине души разделяли мысль об Учредит[ельном] собрании, но пока не решались открыто говорить. Ревком не скупился на помещение заведомо лживых сведений с целью поднять настроение мятежной массы, в которой поддерживалась уверенность в повсеместных восстаниях, близкой помощи Питера и пр. Здесь следует отметить то обстоятельство, что кронштадтских матросов и рабочих раздражали воззвания Совтрудобороны и Комитета обороны Петрограда "К населению Кронштадта", в которых виновниками восстания назывались агенты Антанты и генерал Козловский. Козловский почти не был известен широкой массе. С другой стороны, масса сама сознавала стихийность своего движения и так была уверена в своей массовой силе, была охвачена таким воинственным энтузиазмом, что не допускала и мысли о возможности работы в ее среде белых шпионов. Почти все воззвания советского правительства опубликовывались без сокращений на страницах кронштадтской газеты.

9 — 10 марта в Кронштадт приехала комиссия Американского Красного Креста во главе с быв[е]ш[им] командиром "Севастополя" бароном Вилькеном. Комиссия предложила ревкому и штабу помощь продовольствием и медикаментами, указав, однако, на то, что ввиду отсутствия на это разрешения финляндского правительства эти предметы придется перевозить контрабандным путем. Ревком согласился на предложенную помощь, не беря на себя никаких политических обязательств; но показания арестованных членов ревкома Валька и Перепелкина признают, что ревком отлично сознавал, что эта подкачка буржуазии связывает его с ней и в будущем должна была привести его к окончательному соглашению с этой буржуазией.

На делегатском собрании 11/III Петриченко доложил о предложении Красного Креста, причем собранию было подчеркнуто, что предложение было принято ревкомом без всяких политических обязательств. Собрание санкционировало решение ревкома. Предложение Красного Креста было также перенесено на обсуждение команд "Севастополя" и "Петропавловска", в свою очередь одобривших принятое ревкомом решение. Вилькен после этого остался жить в Кронштадте, остальные же члены комиссии вернулись в Финляндию.

Вилькен посетил "Севастополь", редакцию "Известий" и часто бывал в штабе. 13/III ревком послал в Финляндию двух своих членов — Орешина и Архипова якобы с целью ведения переговоров с финляндским правительством о пропуске продовольствия в Кронштадт. Но ревком почему-то решил сохранить факт отправки этой делегации в строгом секрете. Ревкомом было получено из Финляндии до 400 пудов продовольствия.

На одном из заседаний ревкома Петриченко доложил о полученном им обращении Виктора Чернова, которое привез курьер из Ревеля. Предложение Чернова сводилось к тому, чтобы ему, как председателю Учредит[ельного] собрания, был разрешен проезд в Кронштадт с тем, чтобы вооруженная борьба против советской власти происходила под флагом борьбы за Учредительное собрание и чтобы все руководство делом борьбы с советской властью было предоставлено Учредительному собранию. Чернов предложил также помощь вооруженной силой. Петриченко доложил, что он уже дал Чернову ответ, в котором поблагодарил его за приветствие, но отклонил его предложение. На заседании ревкома Вальк высказался за принятие предложения Чернова. Петриченко и Кильгаст высказались неопределенно, но большинством собрания предложение Чернова было отвергнуто. Ревком постановил сохранить в секрете предложение Чернова, как и свое решение по этому вопросу.

На заседании ревкома 13/III по предложению Петриченко обсуждался вопрос о дальнейшей тактике восставших в связи с трудным положением осажденного Кронштадта. Было констатировано, что петроградские рабочие не откликаются на призывы кронштадтцев о помощи, что запасы продовольствия совершенно истощаются к 21/III, что железное кольцо осады смыкается все сильнее вокруг мятежной крепости и что для спасения нужно решиться на какие-нибудь активные и энергичные действия. Петриченко наметил собранию три выхода из создавшегося положения: 1) сдать полностью на милость большевиков и Красной Армии; 2) выселить все гражданское население Кронштадта на финляндский берег, минировать затем Кронштадт, выделить боевую часть для наступления на Ораниенбаум, остальным командам остаться на своих местах, со всех фортов и кораблей открыть огонь по Красной Армии и драться, пока хватит орудий и снарядов, а затем взорвать Кронштадт; 3) обратиться ко всему миру с воззванием о помощи и в целях обороны не брезг[ов]ать никакими средствами и помощью, с чьей бы стороны они не исходили. После обсуждения большинство ревкома остановилось на последнем решении, которое и было принято с тем, чтобы обсудить его в командах и рабочих районах. Подобные обсуждения действительно имели место, и масса одобрила решение ревкома. Таким образом, логика борьбы в процессе своего развития толкнула кронштадтских повстанцев, независимо от тех целей, ради которых была начата борьба, — прямо в объятия реакции. Быстрая ликвидация мятежа не дала возможности окончательно проявиться открытым белогвардейским элементам и лозунгам.

По показанию нач[альника] берегового отдела Зеленого, за 1 — 2 дня до падения Кронштадта, в штабе крепости произошло совещание Петриченко, Соловьянова, начальника связи и одного крепостного инженера по вопросу о восстановлении телеграфной связи по имеющемуся на форте Ино кабелю с тем, чтобы протянуть кабель далее до Териоки. Но этот план, по-видимому, не успел осуществиться. Ревком послал целый ряд радио[грамм] за границу²⁰. Но настроение мятежников, приподнявшееся несколько с проездом барона Вилькена, быстро падало.

17/III днем Петриченко известил членов ревкома, что штабом решено отступать на форты Красноармейский и Тотлебен с тем, чтобы под прикрытием последних отступить на финляндский берег. Вечером того же дня соответствующее приказание штаба было получено на "Севастополе" и "Петропавлов-

ске". Штаб с ведома ревкома приказал обезвредить орудия на кораблях при помощи взрыва замков, но команды не дали исполнить это приказание. Часть коммунистов на "Севастополе" и "Петропавловске" (на "Севастополе" ни один коммунист не был арестован матросами) быстро использовала замешательство и нерешительность команд и взяла инициативу в свои руки. Лишь небольшая часть команды "Петропавловска" во главе с командиром успела скрыться. Почти вся команда обоих кораблей осталась на местах. Из Кронштадта отступили около 8 тысяч человек. Удалось задержать только трех членов ревкома — Перепелкина, Вершинина и Валька, видных военспецов — Дмитриева, Карпинского, Зеленого, сотрудников редакции — Ламанова и Владимира и немногих других более или менее значительных участников движения.

Я не коснулся здесь непосредственных перипетий боевых действий наступавшей Красной Армии против восставшего Кронштадта²¹. Задачей моего расследования было выяснение роли отдельных партий и групп в возникновении и развитии восстания и связи организаторов и вдохновителей этого восстания с контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории советской России и за рубежом. Но установить подобные связи не удалось. Как я уже указал выше, восстание возникло стихийным путем и вовлекло в свой водоворот почти все население и гарнизон крепости. Кронштадтское восстание вообще является заключительным аккордом данного этапа движения мелкобуржуазной стихии, представляющей собой реакцию против диктатуры пролетариата и коммунистического режима, недовольство крестьянства и отсталых слоев рабочего класса продовольственной политикой советской власти и явное стремление к преодолению оков, наложенных последней на свободный оборот мелкого собственника. Топливный кризис, последовавшее за ним сокращение транспорта, приостановка части промышленных предприятий, обострение голода — все это ускорило проявление накопившегося недовольства наружу. Если дело в Кронштадте дошло до критики советской власти оружием, то объясняется это, во-первых, тем, что огромное большинство матросов не порвало еще живых связей с деревней и по своему социальному составу принадлежит к крестьянству; во-вторых, тем, что в руках матросов, всегда склонных к эксцессам, оказалось налицо оружие; в-третьих, катастрофическим развалом коммунистической организации. В Кронштадте не было ни одной пролетарской или хотя бы полупролетарской воинской части. Лозунги, под которыми возникло и развивалось Кронштадтское восстание, были значительно левее лозунгов, выдвигавшихся питерскими и морскими рабочими. Повторяю, колоссальную роль здесь сыграло разложение коммунистической организации, единственной мощной организованной политической силы, способной сплотить массы. По своим основным требованиям резолюция, принятая кронштадтским гарнизоном и рабочими, совпадает с основными положениями партий левых социалистов-революционеров и социалистов-революционеров-максималистов. Это признает и видный член партии максималистов Ламанов — участник мятежа. Общее впечатление таково, что все восстание носит лево-эсеровский характер. Следует отметить, что широкая масса восставших не хотела и слышать об Учредилке. В заключение следует сказать, что при термидорианских настроениях отсталых рабочих и полупролетариев, вызванных усталостью от продолжительной разрухи и замедлением темпа развития всемирной коммунистической революции,

беспартийные, рабочие и красноармейские конференции могут стать опасным оружием в руках наших противников, пытающихся использовать настроение масс под флагом беспартийности. К созыву подобных конференций следует относиться с чрезвычайной осторожностью, так как в иной момент любая беспартийная конференция может объявить себя стачечным или повстанческим комитетом.

Особоуполномоченный ВЧК Я.Агранов

г.Москва

5/III* 1921 г.

Резолюция в левом верхнем углу первого листа на экземпляре Менжинского красными чернилами: "Секретно. 16 к делу Кронштадта. 19-IV-21".

На первом листе экземпляра Дзержинского проставлен входящий номер регистрации ЦК РКП(б): "вх. ЦК № 2983/с" и пометы "Кронштадт +", "секр. арх.", "17/VIII 21 г.". ЦА ФСБ. Ф. 114728. Приложение. Т. (без номера). Л. 10-22. Автограф.

№ 3

Воспоминания бывшего члена Кронштадтского временного ревкома И.Е.Орешина "Кронштадтское восстание и его значение"²²

Не позднее 6 июня 1924 г.

Осенью 1920 г. коммунисты ликовали: Врангель принужден был оставить Крым, и было объявлено, что наступил конец гражданской войне. "Рабоче-крестьянское" правительство призывало массы к мирному строительству, переходило на мирный фронт. Выдвигалась так называемая экономическая программа. Борьба с хозяйственной разрухой и усиленный призыв к ней и в прессе, и в устной пропаганде ставились в порядок дня. Но одно дело — призыв, другое дело — жизнь. Писать гладко и бойко было легко, справиться с разрухой, при отсутствии самых элементарных "орудий производства" у пролетариата, в руках которого будто бы, по уверениям правящей партии, находилась вся полнота власти, при неостанавливавшемся процессе деклассирования самого пролетариата, было невозможно. Факт окончания гражданской войны в сознании масс претворялся в мысль об окончании большевизма. Призыв к мирной работе становился обоюдоострым орудием, так как гражданская война ничего, кроме разрухи, не дала, и у рабочего раскрывались глаза. Декларирование конца войны означало прекращение кабалы, в которую рабочего вовлек коммунизм, и рабочие стали волноваться, — появились в Петрограде листовки, резолюции с требованиями раскрепостить заполненные коммунистическим засильем массы от пресловутой партийности. "Дать дорогу беспартийным, вернуть Советам, задавленным железною лапой коммунистов, их подлинную власть, дать возможность крестьянину на обрабатываемом им участке земли быть не призрачным, а действительным хозяином плодов своего труда, снять заградительные отряды и получить свободный доступ к излишкам деревенского хозяйства", — вот в трех — четырех словах сущность тех требований, которые петербургскими рабочими, незадолго до Кронштадтского восстания, предъявлялись к власти.

Представители власти прекрасно чувствовали, что в толпе рабочих масс начался какой-то сдвиг — сдвиг в сторону самой последовательной и беспощадной критики основ власти, и с присущей им ловкостью пошли им навстречу или сделали вид, что хотят пойти навстречу. В качестве меры, долженство-

* Слово "дошло" вписано от руки над строкой.

** Слово "всемирной" вписано от руки над строкой.

Так в подлиннике и копии, правильно "5 апреля".

вавшей объединить и власть, и подвластных, были предприняты совместные заседания Советов с рабочими на местах (фабриках, заводах, мастерских). Но эта мера только подлила масла в огонь и развязала рабочим руки. Мера эта практиковалась в конце 1920 и начале [19]21 г., а в феврале рабочие Петербурга открыто встали против своей власти. Понадобились чрезвычайные меры (аресты, расстрелы, разводка мостов, прекращение работ, усиленная охрана заводов и т.п.) для того, чтобы зажать рот усталым и замученным рабочим. Волнения вспыхивали неоднократно, и, казалось, что, несмотря на жестокие репрессии по отношению к рабочим, на этот раз рабочие, народ, побеждает и добьются ухода захватчиков. В этой сложной и отчаянной борьбе взоры петербургских рабочих невольно обращались на Кронштадт, и ... 1 марта в ответ на зовы бессильного в своем справедливом гневе петербургского пролетариата поднялись кронштадтские моряки, гарнизон и рабочие.

Протест кронштадтцев принял своеобразные и — надо сказать прямо — осторожные формы. В первые дни своего восстания кронштадтцы, захватив власть в городе, арестовав коммунистов, сознавая, что они представляют большую моральную силу в глазах всей трудящейся России, рассчитывали добиться у власти значительных уступок и сразу же заняли оборонительную позицию, не поднимая оружия, не прибегая к решительным мерам. Ведь они были так сильно уверены в том, что петербургские рабочие тотчас же поддержат их. Ведь петербургские рабочие сами звали их, сами просили помочь им, поддержать их!

Кронштадтцы поднялись, думая, что они будут искрой, которая снова — и на этот раз окончательно, до полной победы! — зажжет Питер, а оттуда и всю Россию. И тем легче это было сделать, что, как показали весенние события, почти вся Россия фактически была в огне восстания против большевиков. Но кронштадтцы ошиблись. Они питерских рабочих не зажгли. Питерские рабочие не отозвались: заградительные отряды были сняты, изголодавшиеся люди бросились за картошкой, и больший враг, чем коммунисты, — обывательщина торжествовала победу, кронштадтцы были предоставлены самим себе...

Кронштадтское движение было стихийным. Волнения начались на кораблях за несколько дней до 1 марта. На больших линкорах ("Севастополь" и "Петропавловск") и в других морских частях матросы стали обсуждать "положение вещей" в связи с происходившими в Петербурге "беспорядками" среди рабочих. Матросы были уже не те, как в 1917/18 году. Революционный налет с них слетел, они значительно полиняли и утратили тот беспшабашный энтузиазм, в чад которого они разогнали в январе 1918 г. Учредительное собрание. Многие из них съездили домой, в деревню, воочию убедились в той разрухе, которую принесли в нее большевики, и отвернулись от своей власти. Власть, однако, все еще считалась с ними, и в ответ на те волнения, которые шли в низах матросских масс, в Кронштадт 1 марта приехали "всероссийский староста", т.е. председатель ВЦИК Калинин и комиссар Балтфлота Кузьмин. Приехали с тем, чтобы договориться так или иначе с "красой и гордостью" революции. Но не договорились.

1 марта на Якорной площади был созван большой митинг, на котором участвовали моряки всех кораблей и гарнизон крепости, а также и рабочие. На митинге была оглашена резолюция, которая за несколько дней перед этим ходила уже по рукам многих команд и в некоторых частях была одобрена на собраниях; митинг, весь поголовно, принял ее и требовал немедленного осуществления ее требований, которые сводились к следующему:

1) Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2) Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

3) Свободу собраний и профессиональных союзов, и крестьянских объединений.

4) Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

5) Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6) Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7) Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться[ся] привилегиями для пропаганды своих целей и получать от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены: с мест выбраны культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8) Немедленно снять все заградительные отряды.

9) Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10) Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах — по усмотрению рабочих.

11) Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен, и управлять своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом.

12) Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13) Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.

14) Назначать разъездное бюро для контроля.

15) Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Ни Кузьмин, ни даже Калинин на этом митинге не [с]умели и не смогли повлиять на собравшихся. Резолюция упорно отстаивалась, а по адресу "коммунистических вождей" из среды собрания раздавались явно враждебные голоса. Власть фактически была уже в руках митинга: руководителей его охраняли вооруженные винтовками патрули петропавловцев.

Так как одним из коренных требований резолюции было требование свободных выборов в Совет, полномочия которого все равно уже истекали, то на митинге было решено созвать особое делегатское собрание из представителей от всех матросских и воинских частей и рабочих организаций. На этом митинг и разошелся. Калинин был отпущен, Кузьмина задержали.

Однако руководители движения, сосредоточившие все внимание на кораблях, не имели определенной программы действий по отношению к городу, и, как ни растерялись коммунисты, а все же кое-что они к утру следующего дня успели сделать. Это кое-что затем в процессе развернувшихся событий имело немаловажное значение. Городом петропавловцы легко могли овладеть в этот же день, но они им не овладели, и утром 2 марта, т.е. через сутки после митинга, школа курсантов и чека имели возможность оставить через Цитадельские ворота (в западной части города) Кронштадт и уйти на форт Красная Горка,

Так в документе.

из которого курсанты, влившись в шатавшийся гарнизон форта и составив его боевое ядро, после открытия военных действий создали сильную оперативную базу против кронштадтцев и систематической артиллерийской стрельбой из больших орудий по городу и фортам морально в отрицательном смысле влияли на восставших, причинив, разумеется, немало и материального вреда.

Днем, в здании 6.Инженерного училища, 2 марта собрались делегаты частей, профессиональных союзов и мастерских. Охранялось оно петропавловцами. Настроение собрания было повышенное, тревожное. Были на нем и коммунисты, но в меньшинстве. Большая же часть явно не скрывала своего подчеркнуто враждебного отношения к большевикам. На собрании выступали Кузьмин и председатель Кронштадтского Совета Васильев, но "успеха" не имели: их слушали плохо.

И, вообще, говорить было уже поздно. Надо было действовать, так как создавалась тревожная атмосфера. Неудивительно, что собрание, организованное на предмет выработки условий, при которых должны были произойти перевыборы в Совет, принуждено было отказаться от этой задачи и в целях самосохранения создать свой орган власти, т.е. революционный комитет, причем подразумевалось, что революционный комитет организует новые выборы в Совет сейчас же, как только обстоятельства позволят это сделать.

Революционный комитет направился на линкор "Петропавловск", который в первые дни движения был как бы штабом его.

Тотчас же по сконструировании комитета город, гарнизон и форты ему подчинились. Уж очень ненавистно было иго коммунизма, и все хотели одного: вздохнуть свободно, а там, общими силами с Питером и всей Россией, совершенно освободиться от мнимой рабоче-крестьянской власти.

То, что делалось в Кронштадте, знали и в Ораниенбауме. Приезжали даже делегаты оттуда за "инструкциями", но по приезде обратно в Ораниенбаум были расстреляны²³: коммунистам удалось сразу же ликвидировать начавшееся и в Ораниенбауме движение и сосредоточить там необходимые для подавления "мятежа" силы.

Кронштадтцы не хотели "войны", они взывали к разуму коммунистов, но зато последние хотели во что бы то ни стало "войны", и сам Ленин на бывшем в эти дни всероссийском съезде Советов²⁴ говорил, что кронштадтский мятеж, поднятый, по его мнению, белогвардейцами в союзе с эсерами и анархистами, будет во что бы то ни стало подавлен.

На Красную Горку приехал[и] Зиновьев, а затем Троцкий. Коммунисты на южном берегу и северном, у Сестрорецка, накапливали силы. Вырастал перед глазами кронштадтцев кулак.

Военные действия были начаты коммунистами.

В 6 час. 45 м. вечера 7 марта (т.е. почти через неделю по свержении коммунистической власти в Кронштадте) батареи коммунистов с Сестрорецка и Лисьего Носа первые открыли огонь по кронштадтским фортам. Форты приняли вызов и быстро заставили батареи замолчать. Вслед за тем открыла огонь Красная Горка. Ей отвечал "Севастополь". Так началась батарейная борьба между Кронштадтом и коммунистами, или, как говорили в Кронштадте...

Далее зачеркнуто: "В разгар прений получили тревожное известие, будто бы на Инженерное училище идут курсанты (они в это время выступили из помещения школы, чтобы идти на тот берег, на Красную Горку). Известие это, которому все поверили".

Далее не прочитаны несколько слов.

Эта борьба, при непрерывной и днем, и ночью артиллерийской стрельбе, при предпринимавшихся которую ночь наступлениях коммунистов, продолжалась десять дней. Кронштадт был в кольце ледяного покрова. Разбить его с помощью ледоколов не удалось — не было сильных ледоколов ("Ермак" зимует обыкновенно в Петербурге), приходилось беречь уголь, да и надежды на Питер и на то, что не сегодня — завтра у противника развалится тыл, были очень велики. Ледяное поле, окружавшее Кронштадт, было местом героической борьбы. С южного и северного берегов ползли одетые в белые халаты люди, некоторые из них совсем близко подбирались к городу, но погибали под огнем кронштадтцев, в прорубях. Во время атаки и наступлений лед от разорвавшегося снаряда ломался, и сотни, тысячи шедших на защиту коммунизма людей тотчас же уходили под лед.

Наступавшие, подходя к тому или иному форту, искали взорами на нем белый флаг, но, находя красный, удивлялись, не понимали, куда их вели, и бросали винтовки. Уже в первые дни военных действий революционный комитет не знал, куда помещать пленных: был вплотную набит ими военносухопутный манеж, были заняты ими пустовавшие казармы, а число их увеличивалось²⁵. Некоторая часть их, а именно наиболее надежная, была включена в состав воинских частей, охранявших подступы Кронштадта.

Но Троцкий располагал бесконечными резервами запасных войск. В Ораниенбаум согнали со всей России (из Твери, Смоленска, Москвы и др[угих] мест) курсантов, башир, китайцев и десятки тысяч красноармейцев, которые под угрозой расстрела ночью отправлялись в наступление и гибли. Так было каждую ночь в течение 10 дней. А днем летали над городом аэропланы и бросали бомбы. Морально кронштадтцы были сильны. Атаки коммунистов были бесплодны. Форты и корабли отбивали их. Казалось, что Кронштадт был неуязвим. Но мало было хлеба, наблюдался недостаток в угле, не было твердой и верной руки военачальника, который мог бы объединить защитников Кронштадта в одно целое.

А между тем силы врага нарастали. Количество наступавших с каждой ночью бесконечно увеличивалось.

Рабочие в Петербурге не поднялись, как рассчитывали кронштадтцы, а притихли, взятые в железное осадное положение. Да мануфактура в эти дни была им выдана, интересы были отвлечены в область всяких "раздач", происходившие в тылу противника восстания нежелавших идти на убой красноармейцев беспощадно подавлялись, и одиночество Кронштадта становилось обреченным.

Уже в течение первой недели кронштадтцы, отрезанные от Ораниенбаума, где была мельница и где хранились запасы хлеба (до 60 тысяч пудов), понимая, что им грозит голод, если не принять соответствующих мер к получению хлеба, стали завязывать сношения с Русским Красным Крестом в Финляндии — организацией аполитической и гуманитарной, которая незадолго перед этим обещала свою помощь в доставке хлеба и большевикам для голодающих детей Петербурга. Была надежда на получение хлеба и других продуктов, и эта надежда подкрепляла кронштадтцев, пищевой рацион которых был сильно сокращен и состоял из суррогатов (хлеб в дни осады выпекался из ржаного кофе, сушеных грибов, яблок и его [не хватало]) и галет.

Но когда эти надежды не осуществились так скоро, как рассчитывали кронштадтцы, моральное настроение понизилось. Да и физические силы кронштадтского гарнизона таяли. Он был в полном смысле этого слова "горсточкой" против "тмы" коммунистов, облепивших его со всех сторон.

Кронштадт истекал кровью в своей одинокой борьбе против комиссаро-державия и коммунистического засилья. Наступали грозные и жуткие часы... 15 и 16 марта целые дни над городом повис артиллерийский огонь. Снаряды

стали разрываться не только в гаванях, но и в пределах города, на улице, угрожая жизни мирных граждан, женщин и детей. Особенно сильна была орудийная стрельба днем и вечером 16 марта. А к утру 17-го Кронштадт буквально весь был облеплен коммунистическими войсками. Не было места, куда бы они не проникли. Но и тут кронштадтцы продолжали бой, не переставая сражаться. Коммунисты были в военной гавани, у морского угла, у северных казарм, у госпиталя, заходили в обход Кронштадта с запада, у Цитадельских ворот, а кронштадтцы при поддержке фортов защищались. Был даже момент, когда надежда на победу снова улыбнулась кронштадтцам: к пол[удню] восточная часть города, утром занятая коммунистами, была очищена от них. Но это было только на миг. Коммунисты снова осилили и здесь, и в других местах. Кронштадтцы, не выпуская винтовок из рук, начали свой отход в направлении к северо-западной части острова, к Финляндии... Вечером 17 марта, совершив 25-верстный переход по льду, они, измученные и голодные, достигли финляндского берега, у Териоки... Кронштадт, на который возлагали такие надежды и в России, и вне ее, умер...

Во имя каких политических принципов боролся Кронштадт, и в чем значение этой борьбы?

Политические лозунги Кронштадта не отличались ни определенностью, ни выдержанностью. "Свободное советовластие" — вот тот первый лозунг, который в первые часы своего протеста выкинул Кронштадт.

От "демократических" лозунгов кронштадтцы в первое время всячески себя отграничивали и в статьях "Известий революционного комитета" подчеркивали свое отрицательное отношение к такому основному требованию русской демократии, как созыв Учредительного собрания, и только потом, в процессе борьбы, как это обнаруживалось в резолюциях происходивших в командах и на кораблях собраний, массы склонялись постепенно к признанию и идее Учредительного собрания.

Несомненно, за дни восстания массы переживали политическую эволюцию вправо, отходя от идеи Советов, но, разумеется, продержись Кронштадт дольше, бесконечной эволюции не могло бы быть: кронштадтцы уперлись бы в такую "политическую точку", дальше которой они ни в коем случае не пошли бы. Такой "политической точкой", пределом их поправок послужила бы грань между принципами истинной демократии и тем, что имеет на себе лишь тень ее, что по соображениям времени и тактики поддается под демократию.

Иначе говоря, неопределенное по форме Кронштадтское восстание было очень определенным по содержанию; оно было глубоко демократичным в своих психологических предпосылках и основах: кронштадтцы в течение почти трех недель боролись с коммунистами за реальное осуществление принципов демократии.

В Кронштадтском восстании, как весной после таяния снегов вскрывается река, вскрылась подлинная сущность русских масс: их глубокая демократичность. И до восстания, и после него они еще не были в силах взять полноту власти в свои руки, большой помехой для этого служит их некультурность и несорганизованность, но в моменты надлома государственной власти, кому бы она ни принадлежала — потерявшей ли когда-то свой большой разум царистской бюрократии или не знающей удержа в своем безумном — тоже большом — экспериментировании кучке авантюристов, — они проявляют свое истинное

* Вписано вместо зачеркнутого: "От буржуазных лозунгов кронштадтцы в первое время".

лицо и открыто заявляют о своих поруганных правах.

Кронштадтские события отошли в вечность, но поруганные народные права со временем будут восстановлены и, надо думать, самим народом.

На документе штамп: "РЗИА. № 1354".

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 548. Л. 1-13. Автограф.

Примечания

¹ Автор не известен. Документ отложился в фонде правозащитного Административного центра.

² Датируется по содержанию.

³ Суханов Н.Е. (1851-1882) — лейтенант флота. С осени 1879 г. — член исполкома "Народной воли", возглавлял ее военную организацию. Участвовал в покушении на Александра II 1 марта 1881 г. Арестован 28 апреля 1881 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁴ Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич) (1829-1908) — настоятель собора Андрея Первозванного в Кронштадте. Окончил Архангельскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. В Кронштадте им были основаны "Дом трудолюбия" с детской библиотекой, бесплатной начальной школой и мастерскими, ночлежный и странноприимный дома, монастыри и храмы в разных епархиях. Известен как церковный писатель и публицист. Канонизирован на Соборе Русской православной церкви в 1990 г.

⁵ Имеется в виду мятеж на форте Красная Горка в дни наступления Юденича на Петроград, не поддержанный Кронштадтом.

⁶ В дни восстания вышел из РКП(б). 24 марта 1921 г. постановлением тройки Особого отдела охраны финляндской границы республики приговорен к расстрелу (ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 29. Л. 72-73).

⁷ Один из инициаторов создания временного бюро РКП(б). Подписал обращение к коммунистам выполнять свои обязанности и "не чинить никаких препятствий мероприятиям, проводимым временным революционным комитетом" (Известия временного революционного комитета. 1921. 4 марта. № 2). Постановлением тройки Особого отдела охраны финляндской границы республики 24 марта 1921 г. приговорен к расстрелу (Там же).

⁸ Подлинники доклада посланы Ф.Э.Дзержинскому (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 229. Л. 1-17) и В.Р.Менжинскому (ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Приложение. Т. (без номера). Л. 1-5).

⁹ Имеется в виду решение Политбюро ЦК РКП(б) от 28 февраля 1921 г., которым поручалось ЧК "усилить аресты среди меньшевиков и [социалистов]-[революционеров], не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью. Срочно запросить ВЧК о деятельности анархистов и других несоветских партий в связи с теперешними контрреволюционными выступлениями" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 135. Л. 2).

В этот же день был издан приказ ВЧК "об изъятии" членов антисоветских партий (в первую очередь анархистов, эсеров, меньшевиков) из советского аппарата, а также "работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям" (Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 167. Л. 24).

¹⁰ Савченко Лука Фаддеевич — кочегар линкора "Севастополь" (а не "Петропавловск"), по приговору президиума Петроградской ЧК от 20 апреля 1921 г. расстрелян (ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 18. Л. 3).

¹¹ См. док. № 3.

¹² Имеются в виду линкоры "Полтава" и "Гангут", стоявшие на Неве в Петрограде.

¹³ Кузьмин Н.Н. (1883-1939) — с декабря 1920 г. помощник командующего Балтийским флотом по политчасти, с февраля по май 1921 г. комиссар Балтфлота, член Петербургского комитета РКП(б). Делегат X съезда РКП(б). За участие в подавлении Кронштадтского восстания награжден орденом Красного Знамени. Репрессирован.

¹⁴ Ильин, Первушин и Кабанов, а также другие коммунисты, знавшие о возмущении или поддерживавшие его, 24 марта были приговорены к расстрелу тройкой Особого отдела охраны финляндской границы республики (ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 2. Л. 72-73).

¹⁵ Из 15 членов Кронштадтского ВРК двенадцать бежали в Финляндию. Вершинин С.С., Вальк В.А. и Перепелкин П.М. попали в плен и были расстреляны по приговору президиума Петроградской ЧК от 20 апреля 1921 г. Архипов, Тукин, Куполов и Яковенко в разное время перешли советско-финляндскую границу с целью связаться с Петроградской боевой организацией профессора В.Н.Таганцева и другими антисоветскими организациями для подготовки нового вооруженного восстания в Петрограде и Кронштадте, но были вскоре арестованы и использованы ВЧК для игры с иностранными разведками и антисоветскими центрами за границей. О дальнейшей их судьбе сведений нет.

Председатель ВРК С.П.Петриченко не вернулся на родину, несмотря на обещание ОГПУ не привлекать его к ответственности. Есть сведения, что он был выдан Финляндией в 1945 г. и сидел во Владимирской тюрьме.

¹⁶ В письме в газету "Новая русская жизнь" он заявил о своих связях с кадетской партией, а левым эсером никогда не был.

¹⁷ Правильно Казисог. Он покинул город и участвовал в организации боевых действий против кронштадтцев.

¹⁸ Большинство руководителей штаба обороны и командного состава крепости Кронштадт, а также членов судовых комитетов (ревкомов и троек) частей и кораблей, в т.ч. линкоров "Петропавловск" и "Севастополь" бежали в Финляндию. Оставшиеся и арестованные командами И.Д.Коровкин, С.Н.Дмитриев, В.А.Карпинский, П.А.Зеленой, В.Я.Егоров, а также руководители газеты "Известия временного..." Е.Ю.Владимиров и А.Н.Ламанов были приговорены к расстрелу 20 апреля 1921 г. президиумом Петроградской ЧК (ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 18. Л. 1-10).

¹⁹ По другим документам именно ревком предложил начать наступление, а штаб обороны указывал на недостаток для этого сил.

²⁰ В частности, им было послано приветствие бывшему председателю Учредительного собрания В.М.Чернову в связи с его обращением к кронштадтцам с предложением помощи, в т.ч. вооруженной, и посредничества в снабжении крепости всем необходимым (АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 72. Л. 6-7). Кронштадтский ВРК пригласил по радио иностранных корреспондентов для правдивого освещения событий, гарантируя им полную безопасность, и обратился к "пролетариату всего мира" за "моральной поддержкой" (Известия временного... 1921. 13 марта. № 11; 15 марта. № 13).

²¹ Боевые действия изложены достаточно подробно в докладе начальника Штаба Республики П.П.Лебедева в РВС Республики от 20 марта 1921 г. (Советские архивы 1989. № 1. С. 47-53).

²² Датируется по справке на первом листе рукописи: "Рукопись члена Кронштадтского ревкома Ивана Ефремовича Орешина. В переводе на финский яз[ык] была напечатана в Финляндии в ингерманландском журнале и распространена в Ингрии (Петроградская губерния). 6/VI 1924 г. Г.У.Тюнин".

²³ Автор ошибается. Несколько делегатов и командир дивизиона были приговорены к расстрелу Петроградской ЧК 20 апреля 1921 г.

²⁴ В документе ошибка. В это время проходил X съезд РКП(б) (8-16 марта).

²⁵ Общее число перебежчиков и пленных составило не более 900 чел.